

Индустриальная Караганда

Горькая повесть

Название этой книги - „Ограничения. История немецкого мальчика в России“ - говорит само за себя. Автор - Роберт Ридель, поволжский немец, детство которого при живых родителях прошло в детских домах, со свойственной национальности точностью определяет период своего „мальчишества“: с 1941-го по 1953-й, когда ему исполнился 21 год, и по европейским стандартам он достиг совершеннолетия. А по человеческим понятиям безоблачное детство Роберта закончилось, когда ему было 8 лет.

Как все книги воспоминаний, особенно детских, эта полна ярких картинок. „Стоя на стремянке, он (отец. - Авт.) заканчивал красить ставни, когда с газетой в руках подошла мама и вслух прочитала ему указ о выселении немцев из Поволжской республики“. Этот дом Ридели строили практически самостоятельно и вот наконец достроили... Мебель, посуду, корову, собаку - остающимся соседям, которым повезло не быть немцами. Сами - в товарный вагон. В Сибирь.

В сибирской глуши уже знают, что привезли каких-то „немцев“. Но, несмотря на военное время, особого интереса у местного населения этот факт не вызывает. Здесь привыкли к раскулаченным белорусам, недавно сосланным литовцам... Отец Роберта по вечерам вынимает тайком, вопреки запрету, привезенную гитару, и вместе с мамой они поют по-немецки, на два голоса. Женщины из ближайших изб привыкают собираться в соседней комнате, некоторые заглядывают в открытую дверь посмотреть на певцов. „Кто-то вытирает слезы, кто-то вздыхает: „Как в церкви поют!“

Самую любимую песню родителей Роберт Ридель будет потом искать по всему свету по обрывкам этих наполненных тихой радостью, как рождественский сочельник, воспоминаний.

Сначала мобилизован в трудармию отец. Зимой 1943-го - мама. Роберта она поручила заботам случайной знакомой, которую не так давно спасла от большой беды, а все беды тогда - от государства. Долг платежом красен, да еще за Роберта дают три мешка пшеницы, скопленных на трудодни. Но с тетей Шурой будет вскоре разлука, а потом опять окажется связан с ней кусок жизни, вместивший период от одного детдома до другого. Много лет спустя он заедет к тете Шуре с оказией. И та не поверит, что мальчишка, когда-то воровавший сено для ее козы, теперь учится в горном техникуме, будет работать на шахте. Все эти годы она думала, что он стал уголовником.

С малолетними уголовниками бок о бок Роберт прожил не один год - в спецприемниках, детских домах, куда бросала его прихотливая судьба. И повсюду он умудряется завоевывать у сверстников авторитет, потому что умеет постоять за себя, а еще „знает много приключенческих книг“ и ночами пересказывает ребятам истории про героически сильных людей. „Ты будешь прокурором“, - резюмируют они, и это в их устах наивысшая похвала...

Оторваться от пересказа этой книги трудно, как и от чтения ее. Она фантастически пленительна именно потому, что написана не профессиональным литератором, а значит, за мастерством пера не скрыть ни личности автора - временами наивного, порой чересчур обстоятельного, всегда по-немецки практичного, ни примет времени. Эти приметы рассыпаны щедрой рукой по каждой странице, и они абсолютно фантастические для нас. Здесь съедобны луковицы лилий, картошку пекут в печной трубе, и „на старинной швейной машинке дядя Толя шил для нас тапочки из конвейерной ленты и автомобильных покрышек“. Еде и невероятным способам ее добычи посвящено немало страниц этой книги вечно голодного детства, а еще непосильному труду. Заготовка дров зимой, сенокос летом, дождливая ночь, и перепуганным мальчишкам в этой ночи мокрые листья черемух кажутся

фосфоресцирующими волчьими глазами... Или вот такое безыскусное описание: „В дальнем углу пустого полутемного зала одиноко сидела невысокая, совершенно седая женщина. Я сразу понял, что это мама“.

Встреча с мамой ждала Роберта Риделя спустя десять лет разлуки - в то время он уже жил в Темиртау с отцом. Вскоре, с получением паспорта, его ждала спецкомендатура и необходимость отмечаться в ней каждый месяц. „Для меня это было полной неожиданностью и после вольной детдомовской жизни (подчеркнуто мной. - Авт.) подействовало на меня угнетающе“. Да уж, хороша детдомовская жизнь! Да - по сравнению со спецкомендатурой. Без излишнего драматизма, как и о волке, показавшемся из черемухи, автор пишет об этих унижительных ограничениях для немцев. Но если ограничения в пище делают человека изобретательным и отважным, то ограничения в правах притупляют ум, горбят плечи, сеют страхи...

А Роберт Ридель стал горным инженером, кандидатом технических наук, работал на шахтах Караганды, затем в институте „Карагандагипрошахт“, получил Государственную премию СССР. Эту книгу он написал в 2007 году, и, поскольку издательства публиковать ее отказывались, сам сделал переплетный станок и пресс, самиздатом изготовил двадцать экземпляров. Затем повесть опубликовали в Интернете, там ее легко найти и сейчас. Печатались „Ограничения“ и в карагандинской прессе (несколько глав), и в журнале „Континент“. Но подержать свою повесть в руках как книгу автор смог только в 2012 году, когда она была наконец-то издана в Германии.]

Ольга МООС, 02-02-2013